

В. И. Уколова

МИРОВОЗЗРЕНИЕ БОЭЦИЯ И АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ

(К 1500-летию со дня рождения)

Есть мыслители, которые, быть может, и не поражают особой оригинальностью и смелостью философских построений, но тем не менее оказывают определяющее влияние на развитие интеллектуальных процессов в течение многих веков. Для культуры средневекового Запада такую роль суждено было сыграть Боэцию, «последнему римлянину», включенному потомками в число ее наиболее выдающихся основоположников. Один из самых читаемых и почитаемых в ту эпоху после Аристотеля авторов, Боэций был не только крупным авторитетом в области философии, логики, образования, чье наследие средневековье восприняло полностью и безоговорочно, но и своеобразным этическим идеалом, окруженным ореолом святости и преклонения¹.

Трудно назвать кого-либо из выдающихся деятелей западноевропейской средневековой культуры, который так или иначе не обращался бы к Боэцию². В его произведениях находили разное: школяры — сумму знаний, приобщающих их к античной философии и науке; магистры философии — проблематику рассуждений и отточенную методику доказательств, поэты — филигранное мастерство и яркость образов, музыканты — тонкую интерпретацию античной теории музыки, а просто читатели — утоление страданий души и постижение смысла человеческого бытия.

Столь большая и устойчивая популярность наследия Боэция обуславливалась различными причинами. Прежде всего в нем видели кладезь античной мудрости, изложенной в весьма доступной форме. Кроме того, стиль мышления Боэция, весь строй его рассуждений, его поэтика были очень близки по духу и формам выражения средневековому человеку. Немаловажную роль сыграла и его яркая, необычайная судьба.

Аниций Манлий Торкват Северин Боэций, родившийся около 480 г., принадлежал к высшей римской знати. Аниции и Манлии, прямым потомком которых он был, вписали немало славных страниц в историю Рима, отличившись на государственном и военном поприще. Блестяще образованный молодой аристократ почитал высшей доблестью, в традициях своих предков, служение государству и счел своим долгом поступить на службу к остготскому королю Теодориху. Его продвижение по лестнице государ-

¹ См. Данте Алигьери. Божественная комедия, Рай, X, 124—129.

² О средневековой традиции Боэция см. Patch H. R. The Tradition of Boethius. A Study of His Importance in Medieval Culture. L., 1935.

ственных должностей было стремительным. Еще в молодые годы он исполнял обязанности распорядителя финансов королевства, а затем стал *magister officiorum* Теодориха и занял ведущее положение в сенате, который еще продолжал функционировать при остготах. В 522 г. оба его несовершеннолетних сына были избраны консулами, что свидетельствовало о высочайшем авторитете и могуществе их отца. Это был пик карьеры Боэция. Вскоре после ложного доноса он был обвинен в государственной измене, тайных сношениях с Византией, выслан в Тицин (совр. Павия). Здесь в заключении, уже не имея надежды на помилование, Боэций создает сочинение «Об утешении философией» (*De consolazione philosophiae*), которое стало вершиной его творчества и стяжало ему многовековую славу. Средневековая традиция затем представила Боэция как мученика за католическую веру, павшего от руки гота-арианина. Философ был казнен, по-видимому, в 525 г. Его гибель была следствием распада временного союза римлян и готов. Боэций стал политической жертвой Теодориха, важнейшие экономические, социальные и политические начинания которого к этому времени фактически потерпели неудачу, что подтвердилось всем последующим ходом событий, приведшим вскоре к крушению Остготского государства³.

Вопрос о характере мировоззрения Боэция, его христианской или языческой ориентации является одним из главных в боэцианской историографии⁴, однако до настоящего времени он не может считаться окончательно решенным. Постановка его выходит далеко за рамки собственно биографии «последнего римлянина». Это, по существу, — часть большой и очень важной проблемы преемственности между культурой поздней античности и средневековой культурой в процессе генезиса последней.

На переходном этапе от рабовладельческой формации к феодальной интеллектуальная преемственность между угасавшим античным и нарождавшимся средневековым миром нашла выражение в деятельности выдающихся мыслителей, деятелей просвещения и популяризаторов, захваченных идеей сохранить для будущего достижения античной мысли в условиях исторического перелома, который ощущался и переживался ими⁵. Среди них особое место и по масштабам, и по целеустремленности деятельности, и по значимости ее для формирования средневековой культуры занимают Аврелий Августин и Боэций. Они как бы олицетворяют собой две важнейшие тенденции в генезисе культуры феодальной эпохи. Аврелий Августин — один из отцов церкви, черная для создания своего учения «из всех источников античной мудрости»⁶, стремился завершить переориентацию античного духовного наследия, начатую еще христианскими апологетами, в русло христианского мировоззрения, определить «новый универсум рассуждения, с новыми темами и проблемами, стилем мышления, идеями и языком... в котором в течение столетий вращалась мысль средневекового человека»⁷. Боэций же поставил своей целью сохранить для варваризирующегося мира философию Платона и Аристотеля. В решении задачи приспособления античного духовного наследия к новым историческим условиям он пошел по пути, органично вытекавшему из самого развития позднеантичной языческой философии.

³ Глубокое и всестороннее освещение этого процесса дано в кн.: *Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI веке. М., 1959.

⁴ Анализу развития боэцианской историографии посвящена часть статьи: *Уколова В. И.* Человек, время, судьба в трактате Боэция «Об утешении философией». — СВ, вып. 37, М., 1973, с. 10—14.

⁵ См., например, *Boetii De consolazione philosophiae* (далее — *Cons.*), I, pr. IV.

⁶ *Nourrison J.* La philosophie de Saint Augustine, t. 2, [s. a.], p. 135.

⁷ *Майоров Г. Г.* Формирование средневековой философии. М., 1979, с. 183.

Прежде всего Боэций занялся обоснованием системы образования и созданием соответствующих латинских учебников, обобщавших и интерпретировавших в доступной (но не примитивной) форме достижения греков в области арифметики, музыки, геометрии и астрономии⁸. Особенно показательны, что уже в начале своей деятельности он понимал необходимость не только популяризации античного знания, но и целенаправленного определения структуры и новых задач обучения. Боэций окончательно обосновал и закрепил формальное разделение системы «семи свободных искусств» на две ступени — «тривиум» и «квадривиум» (собственно, термин *quadrivium* впервые употребляется именно автором «Наставлений к арифметике» (*De inst. arithm.* I, 1). Содержательная сторона обучения отстает у него перед систематичностью, поскольку Боэций, вполне в духе наступающей культурной эпохи, полагал, что важнее научить человека мыслить в строго определенном направлении, дисциплинированно (*disciplinaliter* — *ibid.*), чем снабдить его, выражаясь современным языком, всеобъемлющей информацией. Такой подход, зачатки которого мы находим еще у греческого математика Никомаха⁹, обретает у Боэция логическое обоснование, которое во многом определило развитие системы средневекового образования, отличавшегося схематизмом и весьма умозрительным характером¹⁰. Из такой постановки вопроса видно, что начинающий философ (во время создания трактатов «школьного» цикла ему было немногим больше двадцати лет) осознавал свою причастность к формированию нового стиля мышления, вырастающего из античного, но в то же время и отрицающего его.

Как мыслитель, «взращенный на учениях элеатов и академиков» (*Cons. I, pr. I*), он не мог не осознавать, что для того, чтобы облечь в плоть и кровь этот рождающийся стиль мышления, способ философствования, необходимо прежде всего найти адекватный философский язык, дать латинские эквиваленты важнейших понятий и терминов греческой философии, перевести на латынь, прокомментировать и адаптировать сочинения греческих философов, ибо на территории бывшей Западной Римской империи оставалось все меньше людей, способных читать по-гречески, а затем определить круг философских проблем, обсуждение которых было наиболее важно с точки зрения эпохи. Боэцию в общих чертах удалось решить эту триединую задачу. Он перевел на латинский язык и прокомментировал значительную часть «Органона» Аристотеля, логические сочинения Стагирита. До появления работ арабских комментаторов, т. е. до XII в. Западная Европа знала Аристотеля по преимуществу по переводам и комментариям Боэция¹¹. Философ намеревался перевести и все сочинения Платона, однако внезапная гибель помешала осуществлению этого. Средневековая философия обязана Боэцию созданием детально разработанной латинской терминологии, не только привнесенной из произведений Аристотеля и Цицерона, но и оригинальной. Такие термины, как «вид» (*species*), универсалии (*universaliae*), «разделение» (*divisio*) и многие другие, почерпнуты схоластикой из сочинений Боэция¹². От него же средневековые философы унаследовали выражения *affirmo* и *nego*, в течение многих веков

⁸ До нашего времени дошли два сочинения Боэция из «школьного» цикла «Наставления к арифметике» (*De institutione arithmetica*) и «Наставления к музыке» (*De institutione musica*).

⁹ *Nicomachus Gerasensis, Pythagoras Introductio Arithmetica*, I, 1. Lpz, 1866.

¹⁰ По учебникам Боэция учились в течение всего средневековья. В Оксфорде его «Наставления к музыке» еще в XVIII в. были настольной книгой студентов.

¹¹ *Mandonnet P. Siger de Brabant. V. I. Louvain, 1911, c. XXIV.*

¹² *Grabmann M. Die Geschichte der scholastischen Methode. B. I. B., 1957, S. 157.*

употреблявшиеся для обозначения функторов отрицания и утверждения¹³. Без огромной и столь важной работы Боэция по выяснению, уточнению, переводу и детализации философской, логической терминологии очень трудно представить себе весь дальнейший ход развития средневековой схоластики, получившей в результате этого беспримерного труда не только необходимый терминологический аппарат, но и прекрасный образец тончайшей нюансировки и методики доказательств. Ценность его деятельности в этом направлении состоит прежде всего в выработке метода философствования.

Боэций не случайно считается «отцом схоластики» еще и потому, что он сформулировал основной круг проблем, впоследствии дебатировавшихся ею. Знаменитый спор между номиналистами и реалистами об универсалиях получил толчок от Боэциевой интерпретации этой представленной еще у Аристотеля и перипатетиков проблематики¹⁴. Влияние сочинений Боэция испытали Ноткер и Росцелин, Пьер Абеляр и Тьерри Шартрский, Альберт Великий и Фома Аквинский¹⁵. Его произведения, затрагивающие логическую проблематику, входили в число обязательных для изучения в Парижском университете, одном из основных центров средневековой философии. Следует отметить, что во всех этих многочисленных работах Боэция не встречается ни одного высказывания или упоминания, которое могло бы навести на мысль о христианской ориентации их создателя. Вся эта обширная работа по оформлению нового стиля мышления осуществлялась им на базе и в традициях античного философского знания. Она показывает, что средневековый тип мышления складывался не только в связи с деятельностью христианских мыслителей, но и органично вытекал из развития позднеантичной философии.

Несколько особняком стоят теологические трактаты Боэция. В средние века под его именем было известно более десяти различных произведений по вопросам христианской догматики. Наиболее известным из них было сочинение «О Троице», которое прокомментировал Фома Аквинский. Начиная с XVIII в., в литературе о Боэции неоднократно высказывалось мнение, что эти трактаты не принадлежат перу Боэция, однако обнаруженный Холдером и опубликованный в 1877 г. Г. Узенером фрагмент из утраченного сочинения Кассиодора, бывшего квестора короля Теодориха, в котором сообщается, что Боэций написал книгу о святой Троице, некоторые сочинения по вопросам догматики и книгу против несториан¹⁶, позволяет признать указанные трактаты принадлежащими философу¹⁷. На эту же мысль наводит язык и стиль этих трактатов. Некоторые косвенные данные также могут служить подтверждением, что, по крайней мере формально, Боэций должен был быть христианином. Запрещение нехристианам занимать государственные должности, санкционированное законами императоров Грациана и Валентиниана I (IV в.), было подтверждено и Теодорихом. В Остготской Италии сенат формально был полностью христианским¹⁸.

Казалось бы, в свете этих данных вопрос о христианизации мировоззрения Боэция, во всяком случае после 512 г. (в котором он предположи-

¹³ *Стяжкин Н. И.* Формирование математической логики. М., 1967, с. 99.

¹⁴ *Patrologiae Latinae cursus completus*, ed. Migne, t. 64. P., 1847, Sp. 84 A.

¹⁵ *Grabmann*. Op. cit., S. 152—157.

¹⁶ *Usener H.* Anecdoton Holderi. Ein Beitrag zur Geschichte Roms in ostgothischer Zeit. Lpz, 1877, S. 4. Кассиодор пишет: «...Scripsit librum de Sancta Trinitate et capita quaedam dogmatica et librum contra Nestorium».

¹⁷ Боэция принято считать автором четырех теологических трактатов: «De Trinitate», «Utrum Pater et Filius et Spiritus Sanctus de divinitate...», «Quomodo substantiae in eo quod sint bonae...», «Contra Eutichen et Nestorium».

¹⁸ *Barret H.* Boethius. Some Aspects of His Time and Work. Camb., 1940, p. 140.

тельно написал свой первый теологический трактат), отпадает сам собой. Но, на наш взгляд, сложность проблемы заключается в том, что даже эти сочинения, которые должны были бы служить веским подтверждением этому, вызывают размышления иного порядка. В самом глубоком из названных трактатов «О Троице» Боэций скромно отмечает, что в области теологических рассуждений он является учеником Августина. Кратко и весьма схематично охарактеризовав суть догматической проблемы, Боэций переходит к логико-метафизическим построениям, интересующим его гораздо больше, чем вопросы теологии. Он, пожалуй, впервые с такой определенностью пытается показать и обосновать разделение сфер разума и веры, а соответственно философии и теологии, отличающихся не только по предметам, но и по характеру, стилю мышления¹⁹.

Отождествляя философию с любовью к вечной мудрости и процессом живого мышления, Боэций придает ей различные функции в иерархии познания, движущегося от постижения природных сущностей и «интеллектуальных видов», чтобы в конечном счете приобрести к миру неизменных чистых идей, пребывающих в божественном разуме. Эта высшая ступень познания находится за пределами собственно философии, здесь господствует теология. В трактате «О Троице» он отмечает, что теология имеет своим предметом божественное откровение (правда, в дальнейшем он больше не возвращается к такому определению). Такое разграничение сфер философии и теологии было в дальнейшем воспринято средневековой схоластикой, и ее крупнейшие авторитеты Альберт Великий и Фома Аквинский, когда говорили о различии разума и веры, обращались к Боэцию, рассматривая его как первого обоснователя этого разграничения с точки зрения аристотелевской логики.

Такой подход оказывается доминирующим и в других теологических трактатах Боэция, в которых аристотелизму отдается явное предпочтение перед христианской ортодоксией. Их автор превращает, по существу, область теологии в поле для решения проблемы формально-логического характера, оперируя философскими, а не теологическими категориями²⁰. Это позволяет заключить, что мировоззренческий аспект христианства мало занимал его даже в тех работах, которые были специально посвящены вопросам догматики, ибо он не затрагивал существа философской позиции Боэция.

Важнейшее значение для оценки мировоззрения Боэция имеет его последнее сочинение «Об утешении философией». Исключительные условия его создания, о которых говорилось выше, не позволяют нам усомниться в искренности его автора.

В «Утешении» Боэций через призму личной трагедии пытается постичь глубину катастрофы, постигшей римский мир. К поверженному узнику приходит утешительница Философия, персонифицированная в образе богини, которая помогает ему познать истину, осмыслить трагедию его жизни не только в узко личном плане, но с точки зрения общих законов, управляющих миром. Такая «космологизация» человеческого бытия роднит Боэция с античной философской традицией, особенно с учением Платона и его последователей. В ходе беседы с Философией Боэций постепенно пе-

¹⁹ Боэций в трактате «О Троице» писал, что «по возможности вера должна быть подкреплена разумом» (...fidem si poterit rationem coniunge. — *Boetii Philosophiae consolationis libri quinque. Accedunt atque incertorum Opuscula Sacra, rec. Peiper. Lpz., 1871, p. 152*).

²⁰ В теологических трактатах Боэций развивает философские категории природы (*natura*), субстанции (*substantia*), лица, личности (*persona*), отношения (*relatio*), формы (*forma*) и ряд других; *Bruder K. Die philosophischen Elemente in den Opuscula Sacra des Boethius. Ein Beitrag zur Quellengeschichte der Philosophie der Scholastik. Lpz., 1928.*

реходит от конкретных размышлений о своей судьбе и описания своих несчастий, которыми насыщены первые две книги его сочинения, к рассмотрению природы фортуны вообще. Затем вместе с Философией узник рассуждает о сущности земных благ (в основном разделяя концепцию стоиков), подводя к постижению идеи высшего блага, трактующей в третьей книге, пониманию благого характера миропорядка. В четвертой книге рассматриваются вопросы теодицеи, наград и наказаний за человеческие деяния (о которых Боэций говорит в пределах земного бытия). Пятая книга посвящена толкованию соотношения провидения, божественного знания, свободы воли, т. е. центральных метафизико-теологических проблем. Постигнув с помощью Философии бога и порядок, посредством которого он устраивает сущее, узник обретает успокоение и готов мужественно встретить смерть. Таков вкратце сюжет сочинения Боэция. Нетрудно заметить, что он формулирует тот круг основных проблем, которые впоследствии находились в центре внимания средневековых философов. Более того, в средневековых философских трактатах зачастую сохраняется и тот же самый порядок рассуждений, который предложен в «Утешении». Сочинение Боэция стало тем интеллектуальным образцом, в соответствии с которым строили свои произведения следовавшие за ним схоласты.

Такой популярности «Утешения» способствовали и его художественные достоинства. Написанное стихами и прозой в форме «сатуры» (что не исключает использования в нем многих других жанров), это сочинение поражает блестящим языком, соразмерностью, богатством стихотворных размеров²¹. «Утешение» насыщено художественными образами, его автору присуще поэтическое видение мира, которое ощущается даже при обращении к самым сложным философским проблемам. Так, рассуждая о превратностях судьбы, он пишет (Cons. II, т. III):

«Когда с розовопламенной квадриги
Снопамы сыпет Феб свой свет,
Звезда бледнеет пред его лучами
И исчезает в блеске их.
Когда при дуновении Зефира
Лес в розовом цвету стоит,
Приходит бурный Австр, с цепи сорвавшись,
Раздев шиповник донага...
...Все в мире этом так непостоянно,
Подвержен переменам свет.
Поверь, судьбы мгновенны, переходящи
Дары, как мимолетный сон!»

Пер. М. Н. Цетлина

Постоянные обращения Боэция к античной мифологии и истории подчас приобретают зрелищную весомость, как, например, образ страдающего Орфея, исторгавшего своими песнями слезы из камня (Cons. III, т. XII), или жестокого Нерона, любовавшегося красотой убитой им матери (Cons. III, т. IV). Боэций не только воспеваает великую гармонию, царящую во вселенной, мировой порядок, но создает картины природы с чуткостью поэта и точностью ученого.

Показателен отбор источников «Утешения», в котором можно найти прямые цитаты или реминисценции из произведений Платона, Аристотеля, Эпикура, Парменида, Гомера, Эврипида, Сенеки, Цицерона, Горация, Вергилия, Ювенала и многих других греческих и римских авторов. Как

²¹ Всего в «Утешении» использовано 27 стихотворных размеров.

в содержании философских рассуждений, так и в частом употреблении световой символики ощущается влияние философов-неоплатоников: Плотина, Ямвлиха, Прокла. Скорее всего Боэций цитировал их по памяти, ибо едва ли в изгнании он мог располагать столь богатой библиотекой.

В поисках истины Боэций обращается не к Откровению, а к мудрости Платона. В «Утешении» отсутствуют какие-либо упоминания о Библии или сочинениях христианских авторов²². Это, как нам представляется, подтверждает, что взгляды Боэция были теснейшим образом связаны с системой античного мировоззрения.

Нельзя отрицать, что Боэций не всегда оригинален в интерпретации тех или иных философских положений. Однако было бы неверно представить его лишь как эклектика. Концептуальные положения у Боэция связаны в единую философскую систему прежде всего посредством понимания им философии как объективной разумности бытия, с одной стороны (*De inst. arithm.* I, 1), и процесса живого человеческого мышления, — с другой (*Cons.* I, рг. I; IV, m. I). В художественном плане такая созидательно-объединительная роль философии нашла выражение в том, что именно ее персонифицированный образ был призван сделать столь целостным и гармоничным структурное построение «Утешения».

Боэций придерживается деления философии на два вида — практическую и созерцательную (*practica et theoretica*), скорее всего, следуя за Аристотелем. В свою очередь, теоретическая философия подразделяется им на три рода в соответствии с тремя видами сущностей: физику, познающую то, что непосредственно связано с материей; метафизику или философию о боге, постигающую чистые формы, и математику, занимающуюся «промежуточными формами» (*De inst. arithm.* I, 1). По мнению автора «Утешения», философия играет исключительную роль в бытии человека, являясь мостом между ним и высшим благом. Величественно появление Философии в первой книге. Перед страждущим узником возникла богиня, которая «в одно и то же время не превышала обычной человеческой меры и теменем задевала небо, и если бы она подняла голову повыше, то вторглась бы в самое небо и стала бы невидимой для взирающих на нее людей» (*Cons.* I, рг. I). Далее автором разъясняется, что нетленные одежды Философии, вытканные ее же руками, внизу украшала буква л, а сверху — θ. Между ними как бы обозначались ступени, по которым могло совершаться восхождение. В этом символе скрыт глубокий смысл. Греческие буквы обозначают два вида философии, о которых мы говорили выше. Практическая или активная философия представляет собой основание, на котором зиждется великое строение созерцательной или теоретической философии, устремленной к познанию высших законов бытия и природы бога. Ступени, символизирующие лестницу познания истины, представляют собой путь непрерывного восхождения от положений практической философии, этики, к высшим сферам созерцательной философии — теологии или учению о боге, понимаемому Боэцием не в христианском смысле, но скорее в духе языческого неоплатонизма.

Сначала разум познает земное бытие, т. е. овладевает знанием о материальных сущностях, затем постигает законы, управляющие мирозданием, небом и движением светил, выражая это в числах (*Cons.* I, m. II; IV, m. I), и лишь затем его озаряет свет божественной истины (*ibid.* IV, m. I). Одновременно знание есть пробуждение покоящихся в душе образов, заложенных в нее тогда, когда она была сопричастна божественно су-

²² Даже такой пристрастный исследователь, как Э. Жильсон, нашел лишь одно предложение «Высшее благо есть то, что всеильно диктует свой порядок всему и все располагает в согласии» (*Cons.* III, рг. XII), которое он трактует как цитату из Книги Премудрости, 8, 1 (см. *Gilson E. History of Christian Philosophy. L., 1972, p. 102*).

щему. Высшее знание заключено в божественном разуме, содержащем в себе чистые формы и первообраз всего сущего. Такая интерпретация, выдержанная в духе платоновской ортодоксальности, у Боэция сочетается с некоторыми рассуждениями, уходящими своими корнями в перипатетическую философию, в частности, в аристотелевскую теорию абстракции. Боэций полагал, что деятельности рассудка предшествует страдание тела, которое служит внешним побудителем активизации познавательной способности души. Способности постижения окружающего мира чувствами, воображением и рассудком строго разграничены. Чистые же формы способен постигать только бог (Cons. V, рг. IV). По мнению Боэция, существует столько же ступеней познания, сколько в мире пребывает сущностей (ibid.). При определении истины следует считать более верным то, что вытекает из свидетельств разума, а не воспринятое чувствами и воображением (ibid). Гносеология Боэция в этой области. Его построения наглядно показывают, каким образом на основании интерпретации положений Аристотеля можно прийти к выводам в духе философии Платона, что не так уж редко случалось и у средневековых схоластов.

Принципиальное значение для понимания онтологических воззрений Боэция имеют стихи IX из III книги «Утешения», где он воссоздает картину космоса, повествуя о происхождении и структуре мира, главным образом основываясь на концепции, изложенной в платоновском «Тимее». Согласно Боэцию, бог дает бытие всему сущему, творит его как демиург, т. е. «организует громаду хаотической материи» (а не творит из ничего, как христианский бог). В этом важнейшее отличие рассуждений философа от христианской концепции творения. Бог содержит в себе модель, архетип всего сущего, согласно которому разумно устраивает бытие в достойном удивления порядке, гармонизирует его, формирует «совершенное создание с совершенными частями». Этот процесс совершается вначале в математико-геометрической форме (с помощью чисел), а затем уже через мировую душу, являющуюся посредницей между богом и природой, происходит сопряжение вечных архетипов с неорганизованной материей, тем самым она одушевляется и обретает подлинное бытие. Следуя Платону, Боэций уподобляет души людей легким колесницам; они, пройдя круг предназначенного им бытия, снова возвращаются в свою обитель — лоно божественного разума. Думается, что автор «Утешения» в построении этой грандиозной космологической картины, которая дополнялась им в ряде стихов и прозаических отрывков его сочинения, испытал влияние латинского переводчика и комментатора «Тимея» Халкидия, сделавшего акцент на рассмотрении бытия мира в свете развития божественного разума, согласно которому все сущее движется к своей цели — высшему благу или богу. Это осуществляется как непреложный закон в каждом проявлении сущего, составляя в то же время и побудительную причину его бытия. «В тебе начало и конец всего, вся цель жизни ты, боже!», — восклицает Боэций, тем самым утверждая сущностную бытийственность бога и божественную природу мира.

Единство мира углубляется тем, что бог, по Боэцию, есть высшее благо, которое в свою очередь является совершенным состоянием, совокупностью всех благ (Cons. III, рг. II). Будучи сопряженным в своем бытии с богом, все сущее, начиная от высших интеллигибельных субстанций и кончая последним существом, растением или камнем, несет в себе эту благую природу. Мир благ — утверждает Боэций, следуя в этом за античной философской традицией и объективно противореча христианскому дуализму. Эта благость служит основой целостного единства всего сущего (Cons. III, рг. II).

Отождествляя понятия высшего блага и бога, философ вместе с тем приводит и интересное доказательство бытия божьего, обосновывая его как логически, так и онтологически: с точки зрения логики высшее благо, бог — самая совершенная категория, с точки зрения онтологии — начало и цель иерархически построенного бытия. Связанное с платоновской традицией это двойное доказательство бытия божьего было воспринято христианскими теологами средневековья, получив особое распространение в XV в.²³ Поскольку в боге единственно заключено начало сущего, причины бытия и его цель, образуется круговая замкнутость, определяющая структуру мира и судьбы людей.

Боэций, следуя концепции неоплатоников, рассматривает бога или высшее благо как Единое. Каждое проявление сущего, каждый индивид является собранием (единством) неких элементов или частей, которое присуще только ему, делает его именно этим, а не другим, составляет его сущность, представляя собой его действительную реальность. Таким образом Боэцием формируется еще одна проблема, важная для средневековой философии, о различении сущности (*essentia*), бытия (*esse*) и существования (*existentia*, *id quod est*). Это различие снимается только в боге, который является Абсолютом, Единым, неделимо простым и целостным, исключаяющим любую сложность, составимость. В этом заключается принципиальное различие между богом и всем сущим, являющимся следствием эманации Единого. Вместе с тем весь порядок универсума разворачивается так, что стремится снова вернуться к единству. В этих рассуждениях Боэция чувствуется влияние проблематики, дебатировавшейся в окружении Плотина и Прокла. Отсюда вытекает и оказавшая существенное влияние на средневековую мысль Боэциева концепция природы божественного предопределения, судьбы и свободы воли. Известно, что по этим вопросам велись длительные дискуссии патристического характера, и, очевидно, Боэций был знаком с ними. Однако показательно, что автор «Утешения» рассматривает их под несколько иным углом зрения, чем Аврелий Августин, давший фундаментальную христианско-теологическую интерпретацию проблемы свободы воли и уделивший особое внимание рассмотрению человеческих страстей и влечений, способности человека выбирать между добром и злом и связи ее с божественной благодатью.

Боэций решает эту проблему прежде всего в онтологическом и гносеологическом планах, разграничивая вечность как атрибут бога и временное начало как атрибут всего созданного им, «космологизируя» ее в духе языческого неоплатонизма. Вечность (*aeternitas*) по Боэцию, есть «неограниченное и вместе с тем совершенное обладание жизнью» (*Cons. V, pr. VI*). (Это определение затем заимствует Фома Аквинский в своей «Сумме теологии».) Сущность бога проста и неподвижна. Время связано с началом движения и раздроблением, разделением Единого. Образ, идеальная модель, которая покоится в простоте самого божественного разума и есть провидение, а все, что проистекает из него, относится к сфере времени, и бог устраивает его посредством судьбы. Разграничивая области существования провидения и судьбы, Боэций подчеркивает, что согласно иерархической структуре мира, чем дальше нечто отстоит от простоты божественного разума, тем более оно подвержено действию судьбы, т. е. зависимость от судьбы вырастает по мере удаления от центра-бога, подобно тому как распространяются круги от брошенного в воду камня. И хотя под влиянием стоиков Боэций утверждает, что судьба обуславливает действия людей нерушимой связью причин, берущих начало в неподвижности прови-

²³ *Vasoli Ch. La filosofia medioevale. Milano, 1964, p. 28.*

дения, вместе с тем он ищет пути, чтобы доказать существование свободы воли, руководствуясь следующими соображениями.

Существо, обладающее разумом, способно отличать хорошее от дурного, поскольку знание о благе присуще душам изначально. Следовательно, оно способно желать чего-то и что-то отвергать. Высшим знанием обладает бог. Знание это утрачивается по мере отдаления субстанций от божественного первоначала. Отличительными свойствами близких к богу субстанций, находящихся под провидением, являются и проницательность суждения (*perspicax iudicium*), и непогрешимая воля (*incorrupta voluntas*), и соразмерность желаний и способности их осуществления (*Cons. V, pr. II*). Человеческие души более свободны, когда пребывают в божественном разуме, чем когда заключены в темницу тела. В полное же рабство они попадают, если люди предаются порокам, ибо тогда они полностью утрачивают знание и тем самым уклоняются от своего предназначения. Разводя плоскости божественного и человеческого знания, Боэций утверждает, что относительно своего собственного знания человек обладает свободой воли, а, значит, и отвечает за свои поступки, следовательно, справедливими являются награды и наказания, причитающиеся за его деяния. Провидение же не имеет безусловной необходимости и неотвратимости, оно представляет собой предуздание бога и первопричину возникновения сущего. Таким образом, в «Утешении» примиряются абсолютность провидения и свобода воли человека. Совершенствуясь, он приближается к божеству и тем самым ускользает от необходимого закона судьбы, чтобы стать совершенно свободным, вернувшись в лоно божественного разума, освободившись от земного бытия. Совершенства же человек может достичь только путем обретения знания и упражнения в добродетелях. Стремление к ним есть акт свободной воли. Таким образом, Боэций с помощью философской аргументации решает важнейшую теологическую проблему о возможности существования свободы воли при условии наличия провиденциалистского предназначения и необходимости в пользу первой.

Обретая определенную степень совершенства в знании и добродетелях, человек тем самым реализует свое предназначение, цель своего бытия. Он преодолевает смерть, ибо, следуя по пути самосовершенствования, возвращается к божественному разуму, давшему начало его бытию. Мудрость, которую с помощью философии может обрести каждый человек, позволяет занять ему достойное место в гармонической системе божественного универсума.

С этой концепцией связаны его рассуждения о добродетелях, превратностях фортуны, наградах и наказаниях. Каждому достается то, что может наилучшим образом приблизить его в высшему благу. Именно поэтому порочные люди, когда остаются безнаказанными, более несчастны, ибо они дальше удалены от источника блага. По мнению Боэция, счастье и порочность несовместимы. Характерно, что в «Утешении» не поднимается вопрос о посмертной судьбе души, о божьем суде и связанной с этим проблематике волновавшей христианских теологов. Как истинный философ, Боэций полагает — мудрец, добродетельный человек получает самую высокую из всех наград — благо (*Cons. IV, m. III*), ибо если «само благо есть блаженство, все добрые люди уже тем самым, что они добры, очевидно, достигают блаженства». И уже совершенно в духе Платона Боэций утверждает: «получившие блаженство становятся как бы богами» (*ibid.*). Думается, что такое высказывание едва ли может согласоваться с христианской доктриной.

То, что последнее сочинение Боэция имеет ярко выраженную неоплатоновскую направленность, достаточно очевидно. Предположения, что автор «Утешения» хотел продолжить рассмотрение поднятых в этом про-

изведении вопросов с точки зрения христианской теологии, но не успел этого сделать, которые высказываются некоторыми учеными, представляются довольно проблематичными. Едва ли вероятно, чтобы человеку, верующему в Христа, перед лицом смерти даже не пришла в голову мысль обратиться к нему с молитвой или просто вспомнить бога-спасителя. Скорее можно предположить, что Боэций принял христианство лишь формально, мировоззренчески оно осталось чуждым философу. Боэций прощается с жизнью в своем «Утешении» не как христианский теолог, но как достойный наследник Платона и Аристотеля, Сенеки и Цицерона, как мыслитель, деятельность которого явилась связующим звеном между духовной культурой поздней античности и культурой западноевропейского средневековья.

THE PHILOSOPHY OF BOETHIUS AND THE ANCIENT TRADITION

V. I. Ukolova

The author discusses philosophical aspects of Boethius's writings. As a thinker Boethius (480—525) greatly influenced the formation of mediaeval culture. Analysis of his «school cycle» treatises, his translations, commentaries and works on logic led the present author to conclude that the enormous labour Boethius put into working out and formulating a new style of thought — to be taken up and developed further later on, in the Middle Ages — was inspired basically by the works of pagan philosophers of the distant past, was a logical successor to their thematics and methods. She observes that the theological treatises of Boethius represent the earliest attempt to apply Aristotelian logic to the interpretation of dogma, to separate the sphere of faith from that of reason; also that this «last of the Romans» was mainly interested in the philosophical side of these problems. That the philosophical aspects of Christianity remained alien to Boethius is clear from the pagan, primarily Neoplatonist orientation of his last and most important work, *De consolazione Philosophiae*, in which his philosophical system is most fully presented. In this work Boethius does not once refer to the Scripture or to works by Christian authors. His indifference to Christian doctrine is also attested by his treatment of such topics as providence, free will, good and evil, rewards and punishments.